

Д. Е. МЕЛЬНИКОВ, Л. Б. ЧЕРНАЯ

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ГЕРМАНСКОГО ФАШИЗМА

Среди проблем истории германского фашизма особенно большое внимание реакционной западногерманской историографии привлекают с точки зрения их фальсификации две имеющие важнейшее значение для определения характера и сути гитлеровской диктатуры. Первая из них — начальная фаза нацистской внешней политики, вторая — взаимоотношения гитлеровского режима с германским финансовым капиталом.

В советской историографии разоблачению истинного характера гитлеризма, его агрессивной сущности и ярого антикоммунизма, а также его прямой связи с германскими монополиями посвящена обширная литература¹. Советские исследователи уже давно доказали, что германский фашизм являлся одним из важнейших проявлений общего кризиса капитализма и был вызван к жизни страхом империалистической буржуазии перед революционным движением рабочего класса, ее неспособностью в тех условиях править методами буржуазно-парламентской демократии. История полностью подтвердила марксистско-ленинскую характеристику германского фашизма как смены одной государственной формы классового господства буржуазии — буржуазной демократии другой ее формой — открытой террористической диктатурой, данную Г. М. Димитровым в 1935 г. на VII конгрессе Коминтерна, а также во многих документах мирового коммунистического движения.

Ниже мы рассмотрим обе указанные выше проблемы истории германского фашизма, чтобы на основании фактов показать всю несостоятельность утверждений западной реакционной историографии, стремящейся обелить германских монополистов, волю и требования которых осуществлял Гитлер.

¹ Из многочисленных вышедших за последние годы работ советских историков и сборников документов и материалов, в которых рассматриваются данные проблемы, укажем лишь некоторые: «Германская история в новейшее время», т. 2. М., 1970; «Совершенно секретно! Только для командования! Стратегия фашистской Германии в войне против СССР». Документы и материалы. М., 1967; Л. А. Безыменский. Германские генералы с Гитлером и без него, изд. 2-е, переработ. и доп. М., 1964; е го ж е. Особая папка «Барбаросса». М., 1972; А. А. Галкин. Германский фашизм. М., 1967; Л. И. Гинцберг. На пути в имперскую канцелярию. Германский фашизм рвется к власти. М., 1972; В. И. Дашичев. Банкротство стратегии германского фашизма. Ист. очерки. Документы и материалы, т. I, II. М., 1973; А. С. Ерусалимский. Германский империализм: история и современность. М., 1964; П. А. Жилин. Как фашистская Германия готовила нападение на Советский Союз, изд. 2-е, доп. М., 1966; В. Д. Кultzбакин. Очерки новейшей истории Германии. М., 1962; Д. Е. Мельников. Заговор 20 июля 1944 г. в Германии. Изд. 2-е, доп. М., 1965; А. И. Полтораки. От Мюнхена до Нюрнберга, изд. 2-е, доп. и переработ. М., 1961 е го ж е. Нюрнбергский эпилог. М., 1966; Д. М. Прохтор. Агрессия и катастрофа, изд. 2-е, доп. М., 1972; Г. Л. Розанов. Свастика над Германией (1933—1939). М., 1964; е го ж е. Крушение фашистской Германии. М., 1963; В. Т. Фомин. Агрессия фашистской Германии в Европе. 1933—1939. М., 1963.

Особенно широкое распространение в буржуазной, преимущественно западногерманской, историографии получило тенденциозное утверждение о «миролюбии» фашистской внешней политики в первые годы гитлеровского режима. Такие историки ФРГ, как Герхард Риттер, Перси Шрамм, Ганс Ротфельс, без всяких к тому оснований делят фашистскую внешнюю политику на «миролюбивый» и агрессивный этапы, заявляя, будто второй, агрессивный, наступил лишь в 1936 г. (Г. Ротфельс) или даже еще позже — в 1938 г. (Г. Риттер, П. Шрамм). Эти утверждения не имеют ничего общего с исторической действительностью. Фашистская внешняя политика с самого начала была направлена на осуществление сформулированной Гитлером программы германского монополистического капитала, стремившегося к завоеванию европейского и мирового господства.

Проследивая милитаристские акции Гитлера — от ликвидации отдельных статей Версальского договора до завоевания почти половины Европы, мы видим, с какой жестокой последовательностью он проводил в жизнь программу агрессии. Этому способствовало попустительство его действиям со стороны империалистических правящих кругов западных держав, которые в своем антикоммунизме видели в германском фашизме ударную силу в борьбе против Советского Союза.

Если взгляды Гитлера на развитие общества можно определить как самый скотский и вульгарный социальный дарвинизм, то его воззрения в области внешней политики сложились под сильным влиянием геополитиков. Основателями этой концепции считаются Фридрих Ратцель и Рудольф Челлен. Свои основные книги Ратцель издал еще в конце прошлого века: «Антропогеографию» — в 1891 г., «Политическую географию» — в 1897 г. Книга Челлена «Великие державы современности» вышла в канун первой мировой войны — в 1914 г. В националистических кругах Германии и Австрии эти писания в начале века и в первые годы после первой мировой войны были широко распространены. Биографы считают, что Гитлер еще в годы юности увлекался геополитикой и был знаком с основными выводами Ратцеля и Челлена. Правда, черпал он их не из первых рук, а из брошюр приверженцев геополитики, которые распространялись тогда массовыми тиражами и в Вене, и в Мюнхене.

Геополитика повлияла на внешнеполитические воззрения фашизма. Из нее он заимствовал прежде всего теорию «жизненного пространства» — сердцевину фашистской идеологии агрессии и разбоя. Гитлер не только перенял, но и видоизменил взгляды геополитиков. Так называемое право на «жизненное пространство» он признавал лишь за «арийской расой». Сочетание геополитики с расизмом придало нацистской идеологии особо агрессивный характер и составило суть фашистской внешнеполитической доктрины.

Весь опыт истории и элементарное знание социальных условий и предпосылок развития общества в корне опровергают выводы фашистских геополитиков: известно, что не «пространство» как таковое и не плотность населения, а социальная структура общества, степень развития его производительных сил и общественный прогресс определяют место той или иной страны в мире. Но научная достоверность меньше всего интересовала Гитлера, который просто искал демагогический мотив обоснования политики захватнических войн. Именно это он и нашел в теории «жизненного пространства». Не случайно для шовинистов различных мастей эта «теория» и поныне остается наиболее удобным прикрытием их агрессивных стремлений и планов.

Что касается непосредственной цели, то она была определена Гитлером в его пресловутой книге «Майн кампф», как «собрание немецких земель», образование в центре Европы мощного «рейха», германского «костяка», состоящего не только из собственно Германии, но и из всех территорий, населенных немецким меньшинством. Немецкая «национальная» внешняя политика, вещал Гитлер, начнет с того, чем кончил четыреста лет назад Карл V: сколотит германский рейх в его «исторических» границах. Ее цель — подчинить германскому руководству Голландию, Бельгию, Северную Францию, Эльзас-Лотарингию, Люксембург, Швейцарию, Австрию, Чехословакию, Польшу, часть Югославии и Румынии, Прибалтику. Но созданием

«германской империи» отнюдь не ограничивались планы германского фашизма. После этого, согласно фашистской доктрине, должен был наступить новый этап — завоевания «жизненного пространства за счет ненемецких территорий», в первую очередь Советского Союза. «Когда мы сегодня говорим о приобретении новой почвы и земли в Европе,— цинично заявлял Гитлер в «Майн кампф»,— мы в первую очередь имеем в виду Россию и подчиненные ей окраинные государства». Он не только воспринял, но и сделал элементом своей внешнеполитической программы старую политику германского империализма — политику «дранг нах Остен», которая, слившись с доктриной «жизненного пространства», приобрела крайне агрессивный характер.

На Западе Гитлер намеревался прежде всего уничтожить те силы, которые были способны воспрепятствовать завоеванию Германией господствующих позиций в континентальной части Европы. Такой силой Гитлер считал в первую очередь Францию. Но борьба с нею, по замыслам Гитлера, являлась лишь подготовительным этапом для дальнейшей агрессии: в уничтожении Франции, писал Гитлер, Германия должна «видеть только средство для того, чтобы обеспечить германскому народу расширение границ в другом месте», т. е. на Востоке.

В антифранцузской политике Гитлер рекомендовал опираться на союз с традиционными соперниками Франции, т. е. с Англией и Италией, но подчинить его основным целям германской агрессии, которые в итоге включали установление господства Германии над всей Европой. Гитлер собирался лишить Англию наиболее важных колоний и, сделав ее вассальным государством, поручить ей наблюдение за остальным колониальным миром. Италии была уготована роль главного германского стражника в бассейне Средиземного моря. Обе страны, а также Финляндию, Швецию, Норвегию, Испанию Гитлер рассматривал как вспомогательные государства, которые под руководством «немецкой расы господ» призваны поддерживать железный порядок в Европе. И, наконец, эти замыслы агрессии венчал «тотальный» план создания мировой нацистской империи.

Итак, стратегический план, изложенный в «Майн кампф», состоял из трех основных ступеней: 1) уничтожение Франции, временный союз с Англией, а так же с Италией и создание тем самым предпосылок завоевания «жизненного пространства» на Востоке; 2) уничтожение Советского Союза, завоевание гегемонии в континентальной части Европы; 3) уничтожение Англии и завоевание обширных колониальных пространств; создание предпосылок осуществления планов мирового господства «арийской расы».

Внешнеполитические планы Гитлера полностью соответствовали надеждам и чаяниям германского монополистического капитала и реакционной военщины. Однако Гитлер говорил немало слов и совершил некоторые акции, которые, казалось, шли вразрез с внешнеполитической программой, сформулированной в «Майн кампф». Без учета этого обстоятельства трудно понять действия западноевропейских политиков, общую настроенность общественного мнения Европы и, что особенно важно в данном случае, природу внешней политики германского фашизма.

Немецкие фашисты, захватив власть, начали шумную пропагандистскую кампанию под лозунгом «Германия хочет мира». «Миролюбие» нового нацистского правительства подчеркивалось уже в первом воззвании кабинета Гитлера от 30 января 1933 г. С развернутой внешнеполитической программой новый канцлер выступил несколько позже — 17 мая 1933 г. Это его выступление в рейхстаге произвело сенсацию, поскольку по тону и аргументации звучало как призыв к миру и стопроцентный буржуазный пацифизм. Гитлер апеллировал к классовому сознанию европейской буржуазии, предупреждал ее об опасных для капитализма социальных последствиях новой войны, которая в итоге привела бы к краху современного общественного и государственного порядка. Европу, пугал Гитлер, захлестнул бы коммунистический хаос. Он живо заявил, что нацистская Германия будет уважать национальные права других народов и желает жить с ними в мире и согласии.

В дальнейшем Гитлер неоднократно повторял свои лживые миролюбивые декларации. В выступлении по радио 27 мая 1933 г. (в связи с выборами в Данциге, вызвавшими большое беспокойство мировой общественности ввиду беспардонного вмешательства нацистов во внутренние дела «вольного города») он заявил, будто бы нацизм не добивается никакого изменения границ за счет других народов и не будет пытаться

подчинить их себе ². Несколькоими месяцами позже в интервью корреспонденту английской газеты «Daily Mail» Уорду Прайсу Гитлер вновь выступил на словах как горячий пацифист ³. А в интервью корреспонденту французской газеты «Le Matin» он уверял, что навсегда отказался от Эльзаса и Лотарингии. Эти маневры нужны были, чтобы ослабить страх перед последствиями ремилитаризации Германии.

Наконец, нельзя пройти мимо речи Гитлера 21 мая 1935 г., на которую «Фюрер» впоследствии неоднократно ссылался как на свидетельство своего «миролюбия». В ней Гитлер сделал новый тактический ход с целью укрепить свое положение как внутри страны, так и на международной арене: он предложил всем странам заключить с фашистской Германией пакты о ненападении.

Одновременно Гитлер провозгласил, что отныне у Германии нет никаких претензий к другим державам. Речь эта являлась кульминационным пунктом предпринятой нацизмом «демагогической «мирной кампании» и одновременно знаменовала ее конец. Дело в том, что она была произнесена через несколько дней после введения всеобщей воинской повинности и замены рейхсвера вермахтом, т. е. 100-тысячного войска массовой армией. В ту пору Гитлер боялся контрмер Англии и Франции и прибегал к самой беззастенчивой лжи, дабы продемонстрировать свое «миролюбие». Но когда обнаружилось, что игра его выиграна и создание новой военной машины истребления и войн прошло безнаказанно, тон его резко изменился. «Мирная» кампания кончилась. Даже в буржуазной исторической литературе гитлеровская внешняя политика с 1933 по 1935 г. получила наименование политики «мнимого миролюбия».

Таким образом, уже с первых дней захвата власти Гитлер действовал в области внешней, впрочем, как и внутренней, политики методами блефа и обмана. Конечно, искусство буржуазной дипломатии уже давно определяется умением скрывать подлинные замыслы и обманывать как врага, так и партнера. Но никогда еще разрыв между словами и делами, обещаниями и истинными намерениями не был столь велик, как у нацистских политиков. Фашистский диктатор вообще не считал себя связанным ни словом, ни честью, ни обещаниями, ни даже программой нацистской партии. Обязательства и договоры для него были все равно что клочки бумаги. Именно этим он руководствовался и в области внешней политики, и в области обработки общественного мнения Запада.

Что же творилось в годы «мнимого миролюбия» за внешнеполитическими кулисами коричневой империи? Документы, касающиеся закулисной стороны внешней политики Гитлера в первые годы фашистской диктатуры, довольно скудны: он был тогда еще не слишком уверен в своих силах, чтобы «выкладывать» без стеснения, даже в узком кругу, свои намерения.

Тем большую ценность представляют некоторые неопубликованные до сих пор протоколы заседаний гитлеровского кабинета от 1933 г. Так, на заседании 7 апреля 1933 г. были даны установки, которые во многом объясняют поведение нацистов в первые два года их господства. Доклад на нем сделал министр иностранных дел Нейрат. Кабинет лишь «принял к сведению» его декларацию, которая, несомненно, была заранее согласована с Гитлером. Относительно линии поведения на ближайшие месяцы министр заявил: «Территориальные ревизии границ мы можем поставить в порядок дня лишь после того, как укрепим в военном, политическом и финансовом отношениях. До тех пор мы должны довольствоваться эффективной пропагандой, в основу которой следует положить 14 пунктов Вильсона. Нашей главной целью остается изменение границ на Востоке. Речь может идти лишь о тотальном решении этого вопроса; промежуточные и частичные решения следует исключить» ⁴.

Итак, тактика гитлеровцев гласила: с территориальными требованиями и агрессивными акциями необходимо повременить, пока не будет создана военная сила, а затем уже следует приступить к «тотальному» их решению, главным образом на Востоке. Что касается времени выжидания, то его рекомендовалось заполнить мирной болтовней в вильсоновском стиле. Памятуя о программе, изложенной Гитлером, Нейрат подчеркивал, что правительство должно держать курс на временный союз с Анг-

² «Ausgewählte Dokumente zur Geschichte des Nationalsozialismus». Herausgegeben von H. A. Jacobsen und W. Jochmann. Bielefeld, 1961, Dokumente 17.V.1933—21.V.1935.

³ «Daily Mail», 19.X.1933.

⁴ Bundesarchiv oblenz, Film 3598/792283—295.

лий и Италией. Доклад свой он закончил словами: «Наш конечный вывод сводится к тому, что следует избегать внешнеполитических конфликтов до тех пор, пока мы полностью не окрепли. На первых порах мы сосредоточили наши усилия на хозяйственных вопросах (создании военной экономики. — *Авт.*), с тем чтобы любой ценой избежать военных осложнений, с которыми мы сейчас не в состоянии справиться... Нам следует поэтому не допускать каких-либо провокационных акций и добиваться тесного сотрудничества с Англией и Италией»⁵.

Другое важное заседание кабинета, посвященное внешнеполитическим вопросам, состоялось 13 октября 1933 г., за два дня до выхода Германии из Лиги наций. Эта первая крупная внешнеполитическая акция, предпринятая еще с одобрения Гинденбурга, имела целью развязать руки нацистскому правительству в деле перевооружения Германии. Гитлер довольно ловко избрал для этого время: полный тупик в переговорах о разоружении, которые проводились в Женеве. Заявив, что в создавшихся условиях Германия не может более возлагать надежды на успех женевских переговоров, Гитлер сообщил о решении своего правительства действовать на собственный страх и риск и потребовал признания равноправия Германии в области внешней политики, отмены всяких ограничений вооружения.

Заседания, на которых обсуждался вопрос о выходе Германии из Лиги наций, продолжались много часов вечером 13 и утром 14 октября 1933 г. Затеяв первую серьезную авантюру, Гитлер приступил к ней, явно боясь решительных контрдействий со стороны Франции и Англии. Дальнейшее участие в переговорах по разоружению и тем более подписание конвенции, предложенной Англией, объявил Гитлер своему кабинету, ограничило бы свободу действий Германии. Особенно его пугало то, что конвенция предусматривала контроль над вооружениями. Он предложил покинуть конференцию и выйти из Лиги наций.

Конечно, язык Гитлера тогда еще не был столь откровенен, как позже. Но ход мыслей, направленность политики, мотивы действий проступали уже отчетливо. Предложенная акция по срыву конференции и выходу из Лиги наций означала неограниченное и быстрое перевооружение Германии. Ясны и мотивы первого большого спектакля — референдума, организованного нацистами после прихода к власти: отвлечь внимание мировой общественности от подготовки к агрессивной войне и от кровавых расправ внутри страны. Единственное, чего боялся Гитлер, — это то, что западные страны призвут Германию к порядку. На заседании кабинета он предупреждал, что следует ожидать санкций со стороны Англии и Франции, и призывал членов кабинета «не терять нервы». Более того, Гитлер был настолько уверен, что его акция не пройдет гладко, что велел военному министру Бломбергу отдать специальный приказ по вермахту, в котором говорилось: «В первую очередь следует ждать оккупации некоторых немецких территорий... Имперское правительство... независимо от шансов на успех окажет вооруженное сопротивление местного масштаба»⁶.

Значительно позже, в ноябре 1939 г., Гитлер вспоминал в кругу своих генералов: «В ходе внутренней реорганизации (рейха — *Авт.*) я поставил перед собой еще одну задачу — освободить Германию от международных обязательств. При этом должны быть особенно выделены два события: выход из Лиги наций и срыв конференции по разоружению. Принять эти решения оказалось тяжело. Число пророков, предсказывавших, что они приведут к оккупации Рейнской области, было велико, число верующих — очень незначительно... После этого последовал приказ о перевооружении»⁷.

Поистине олимпийское спокойствие, которое проявили в то время буржуазные западноевропейские политики, было вызвано их желанием руками Гитлера расправиться с коммунизмом, направить агрессию нацистов на Советский Союз. Правящие круги Англии и Франции привлекал антикоммунизм Гитлера, и он ловко использовал эту ахиллесову пята в общем-то весьма хитрых и опытных противников. И все же та легкость, с которой западные державы фактически санкционировали авантюристические акции фашистского правительства, неизменно вызывала у Гитлера удивление и усиливала в нем чувство презрения к «государственным мужам» западноевропейских

⁵ Ibidem.

⁶ «Der Prozess gegen die Hauptkriegsverbrecher vor dem Internationalen Militärgerichtshof», Bd. XXXIV, Nürnberg, 1947, S. 488.

⁷ Ibid., Bd. XXVI, S. 327.

стран. Ведь он хорошо знал, что создание вермахта было обращено своим острием не только против Востока, но и против Запада. В порыве откровенности Гитлер еще в феврале 1933 г. заявил в кругу военной верхушки, что «самым опасным для нас временем будет период создания вермахта. Вот когда мы узнаем, есть ли во Франции государственные деятели. Если есть, они не дадут нам времени и нападут на нас сами»⁸. Опыт показал, что государственные деятели в Англии и во Франции, ослепленные антикоммунизмом, предоставили Гитлеру «карт-бланш». Перевооружение Германии фашистское руководство осуществило в общем без всякого сопротивления со стороны Запада.

Приказ о перевооружении последовал почти сразу же после выхода Германии из Лиги наций. Гитлер дал указание увеличить за год, т. е. к октябрю 1934 г., численный состав вооруженных сил втрое — с 100 до 300 тыс. Спустя шесть месяцев он решил пойти еще дальше: в апреле 1934 г. он известил тогдашнего начальника генерального штаба Людвиг Бека о том, что не позже 1 апреля 1935 г. аннулирует все военные ограничения Версальского договора и введет всеобщую воинскую повинность.

В то же время в Германии началась в широких масштабах милитаризация экономики. Перед промышленностью были поставлены две задачи: создание достаточного количества оружия, причем новейшего образца, для снабжения массовой, многомиллионной армии и обеспечение максимальной независимости (автаркии) Германии от ввоза стратегического сырья и топлива, особенно бензина и каучука.

Во время процессов Крупна и заправил «ИГ Фарбениндустри», состоявшихся в американской зоне оккупации после второй мировой войны, выявились некоторые любопытные детали практики перевооружения. Так, Крупн заявил, что большинство пушек, которые гитлеровская армия применила на полях сражений в 1939—1941 гг., до нападения на Советский Союз, было произведено уже в конце 1933 г. Концерн «ИГ Фарбениндустри» получил в 1933 г. задание довести за три года производство синтетического бензина до 300 тыс. т в год. К этому времени концерн справился и с другой задачей, поставленной перед ним Гитлером и потребовавшей огромных затрат, — создания синтетического каучука (так называемый буна). В начале 1934 г. Гитлер приказал приступить к строительству двух линкоров водоизмещением 25 тыс. т каждый. Такой тоннаж в 2,5 раза превосходил разрешенный Германией по условиям Версальского договора. Одновременно в Германию были доставлены по частям 12 подводных лодок, тайно построенных на верфях Испании и Финляндии (Гитлер велел до 1935 г. хранить их в разобранном виде). В дальнейшем подводные лодки строились немецкими фирмами уже в самой Германии.

В начале 1934 г. нацистский Совет обороны утвердил список предприятий, которые должны были перейти на военное производство. Он включал 240 тыс. предприятий. Военная промышленность быстро набирала темпы: производство оружия росло не по дням, а по часам, и вместе с ним росли баснословные прибыли концернов. Монополистам не на что было жаловаться: Гитлер выполнял и перевыполнял свои обещания. Доходы концерна Крупна за два года почти удвоились, составив в 1933 г. 118 млн., а в 1935 г. — 232 млн. марок. За следующее пятилетие, т. е. до 1940 г., они возросли еще почти в 2 раза (до 421 млн. марок). Чистая прибыль концерна Крупна увеличилась в 1933—1937 гг. почти втрое (с 6,6 млн. до 17,2 млн. марок), а концерна «Ферайнгите штальверке» — почти в 4 раза (с 6,2 млн. до 21 млн. марок).

Когда министр морского флота Рёдер в беседе с Гитлером выразил озабоченность в связи с тем, что новая программа увеличения флота потребует мобилизации больших средств, тот быстро успокоил адмирала. «В крайнем случае, — записал Рёдер слова Гитлера, — он даст распоряжение Лею предоставить 120—150 миллионов марок из средств Трудового фронта. Эти средства, — добавил он цинично, — в конечном итоге все равно пойдут на пользу рабочим...»⁹. Разгромив и ограбив профсоюзы, нацисты рассчитывали использовать профсоюзные средства как дополнительный источник финансирования гонки вооружений.

И все же проблема финансирования гигантской военной программы была на первых порах наиболее сложной. На помощь нацистам пришел один из «столпов» герман-

⁸ Цит. по: «Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte». Stuttgart, 1954, H. 2, S. 133.

⁹ Цит. по: W. S h i r e r. Aufstieg und Fall des Dritten Reiches, Bd. 1. München, 1963, S. 314.

ского финансового капитала — Яльмар Шахт. В своей ставке в Растенбурге Гитлер в 1942 г., с большим удовольствием вспоминая о финансовых аферах того времени, поведал об одной из самых грандиозных финансовых махинаций Шахта: по совету последнего правительство обесценило ценные бумаги Германии (акции, государственные обязательства), хранившиеся в банках других стран. Затем оно тайно скупило эти бумаги по курсу 12—18% номинальной стоимости и вновь продало внутри Германии за настоящую цену. Прибыль от этой аферы с ценными бумагами составила 80% и более. Гитлер заработал на ней свыше 250 млн. марок¹⁰. Но в конце концов даже Шахт «пресытился» головокружительными финансовыми трюками Гитлера и ушел в отставку, сначала с поста министра хозяйства, а потом и президента рейхсбанка. Вопреки советам финансовых экспертов, предсказывавших экономическую катастрофу третьего рейха, нацисты продолжали увеличивать государственный долг, выколачивая средства для перевооружения. Они играли ва-банк: задолженность Германии составила в конце 1932 г. 8,5 млрд. марок, в 1939 г. — 47,3 млрд. марок, т.е. возросла почти в 6 раз, а к концу войны — 387 млрд. марок; расходы на вооружение за первые два года фашистского режима достигли около 6 млрд. марок, а в одном лишь 1938/39 финансовом году увеличились до 18,4 млрд. марок, что составило 58% бюджетных расходов Германии¹¹.

Сразу же после захвата власти нацисты отрезали Германию от зарубежных источников информации, изолировали ее от всего мира. К тому же гитлеровцы провели резкую грань между пропагандой, направленной на за границу, и внутренней пропагандой.

Так, по одной радиопрограмме, рассчитанной на Запад, Берлин передавал самые миролюбивые и дружественные высказывания (например, о Франции). И в тот же день радиоточки внутри страны изрыгали дикую брань и инсинуации по адресу той же Франции. Особенно разительным этот разрыв стал в годы заигрывания с Польшей (1934—1938). Официально Польша объявлялась «лучшим другом и союзником» Германии. В то же время пропаганда, рассчитанная на рейх, вела яростную шовинистическую антипольскую кампанию.

С первых же дней прихода к власти фашистское руководство поставило себе целью превратить немцев в соучастников своих агрессивных акций и авантур. Гитлера и народ, по замыслам нацистской верхушки, должна была связать общность преступлений и в области внешней политики. Свои мысли на этот счет Гитлер изложил в речи на секретном совещании гауляйтеров в Берлине в феврале 1934 г.¹²

Одним из средств привлечения немцев к гитлеровской внешней политике, как это понимали нацисты, были референдумы — народные голосования. Первый из них состоялся 12 ноября 1933 г. На голосование был поставлен вопрос, одобряет ли избиратель выход Германии из Лиги наций и ее отказ участвовать в конференции по разоружению. В референдуме участвовало 96% избирателей. Из них 95% «одобрили» акцию Гитлера. Одновременно состоялись выборы в рейхстаг (на них фигурировал уже только один список — нацистской партии), во время которых НСДАП получила 92% голосов. Миллионы немцев (часть насильно, а часть добровольно) были вовлечены таким образом в гитлеровские авантюры и стали как бы соучастниками политики фашизма. Первый референдум послужил и другой цели: с его помощью гестапо устранило немало противников Гитлера. Очень многие из тех, кто, несмотря на террор, имел мужество проголосовать против нацистов, жестоко поплатились за это, а так называемый средний немец раз и навсегда понял, что в «время выборов» и «референдумов» надо держать ухо востро. С тех пор многочисленные референдумы приносили Гитлеру неизменный успех, даже тогда, когда проходили не на германской территории. Например, в январе 1935 г. в Сааре 90% избирателей проголосовали за присоединение к рейху; в марте 1938 г. в Австрии референдум «легализовал» захват суверенного австрийского государства нацистами. Эти акции были заранее рассчитанными маневрами в политике подготовки агрессии.

¹⁰ «Hitlers Tischgespräche»; Herausgegeben von Percy Schramm. Stuttgart, 1965, S. 286.

¹¹ Ibid., S. 158.

¹² Hauptarchiv NSDAP (West)-Berlin, Gauleitertagung von 2.II.1934 in Berlin, S. 1290.

Продолжая политику «мнимого миролюбия», Гитлер в январе 1934 г. объявил о германо-польском соглашении о ненападении. Автор «Майн кампф», злейший враг поляков, равно как и всех славян, ярый проповедник восстановления границ 1914 г. (включавших обширные польские территории) и идеолог «похода на Восток», вдруг сам «протянул» руку Польше. На такой шаг не мог в свое время решиться даже либерал Штресеман, который, будучи немецким националистом, считал, что примирение с Польшей невозможно, поскольку Германия не должна отказываться от принадлежавших ей до первой мировой войны Силезии, Познани и других польских территорий. Гитлер же в рейхстаге во всеуслышание заявил, что Германия и Польша — соседи вот уже в течение более тысячи лет, что двум государствам от этого не уйти и поэтому отношения между ними следует строить таким образом, чтобы извлечь из них наибольшую пользу для обеих наций. Тем самым Гитлер как бы дал нечто вроде гарантии дальнейшего существования Польши в пределах ее тогдашних границ. Реакционные государственные руководители Польши того времени Пилсудский и Бек, движимые чувствами животной ненависти к Советскому Союзу и страхом перед коммунизмом, были готовы сотрудничать даже со злейшими врагами польского народа. Маневра Гитлера было достаточно, чтобы руководители польского государства собственными руками уничтожили систему союзных связей, от которых зависела безопасность Польши. Польские реакционные политики тешили себя мыслью, что они вместе с гитлеровцами образовали нечто вроде оси Варшава — Берлин, направленной против Советского Союза и Франции.

Кульминационным пунктом близорукой, антинациональной политики польских реакционных лидеров следует считать 1935 г., когда Геринг посетил Варшаву, а Бек — Берлин. В коммюнике, опубликованном по случаю поездки Бека, говорилось о «далеко идущем согласии» между двумя государствами. Так реакционные правители Польши вступили на путь, который вскоре привел к ее оккупации гитлеровскими войсками и к уничтожению шести миллионов поляков.

Таким образом Гитлер стремился усилить кампанию «миролюбия», отвлекавшую мировую общественность от перевооружения рейха, нанести удар по версальской системе союзов и посеять семена раздора между Польшей и Францией, т. е. странами, которым непосредственно угрожали в тот момент фашисты, укрепить на Западе позицию тех, кто хотел проводить политику «умиротворения» нацизма и кто считал, что фашистскую агрессию можно направить в «нужном» для них направлении, т. е. только против Советского Союза. От германо-польских соглашений 1934 г. шла прямая дорога к мюнхенскому сговору 1938 г.

Но уже в 1934 г. произошли события, которые показали, что на международной арене гитлеровцы действовали не только дипломатическими, но и откровенно бандитскими методами. Такими событиями явились убийства трех крупных государственных деятелей: австрийского канцлера Дольфуса, югославского короля Александра и французского министра иностранных дел Барту. Сейчас неопровержимо доказано, что за спиной их наемных убийц стоял Гитлер.

Вечер 25 июля 1934 г. Гитлер провел в Байрейте, где проходил традиционный вагнеровский фестиваль. Шла опера Вагнера «Рейнгольд». Гитлер сидел в ложе вместе с внучкой композитора Фриделиндой Вагнер. «После представления, — вспоминала она впоследствии, — фюрер казался чрезвычайно взволнованным. Вид у него был ужасный». Во время спектакля к нему все время подходили адъютанты Брюкнер и Шауб и шепотом сообщали какие-то неприятные сведения. Речь шла о нацистском путче в Австрии, сигналом для которого должно было послужить убийство Дольфуса. Покушение удалось, но путч провалился. Встревоженный событиями в Австрии, Муссолини перебросил войска к австрийской границе, создалась угроза военного конфликта между Гитлером и его главным союзником в Европе — дуче. Гитлеру необходимо было срочно выпутываться из скандала. Не успел кончиться спектакль, как он вскочил и направился ... в ресторан. «Мне обязательно надо показаться там хоть на час — сказал он своим адъютантам, — иначе люди подумают, что я замешан в этой истории»¹³.

¹³ Цит. по: Heydecker, J. Leeb. Der Nürnberger Prozess. Köln, 1959, S. 149.

Подробности убийства Дольфуса впервые всплыли на Нюрнбергском процессе, но некоторые детали выяснились только в 1963—1964 гг., когда в Чехословакии на дне Черного озера были обнаружены гестаповские документы. Убийство Дольфуса и нацистский путч в Австрии были запланированы Гитлером за шесть с половиной недель до того, как разыгрались сами события. Акцию поручили 89-му австрийскому батальону СС. Днем 25 июля батальон в составе 154 человек проник в резиденцию канцлера — дворец Меттерниха, разоружил охрану и рассредоточился. Восемь эсэсовцев ворвались в кабинет Дольфуса. За несколько часов до этих событий канцлера предупредили о готовящемся путче, но он не поверил и остался во дворце. Теперь Дольфус попытался спастись бегством. Убийцы настигли его в коридоре. Эсэсовец Отто Плянета дважды выстрелил в канцлера. Раненого Дольфуса схватили, бросили на диван и накрыли чехлом от мебели. А убийцы-эсэсовцы сели покурить, наблюдая, как Дольфус истекал кровью.

Однако за пределами дворца путч проходил не так, как ожидали нацисты. Правда, гитлеровцам удалось занять центральную радиостанцию и передать в эфир сообщение, что правительство Дольфуса низложено, а главой нового кабинета назначен австрийский нацист Антон Ринтелен. Но они упустили из виду, что в распоряжении правительства остались другие радиостанции, через которые власти проинформировали население о событиях. Вскоре полиция обезоружила путчистов. Многие из них предстали перед судом. Семеро, включая Планета, были приговорены к смертной казни. Фашистский мятеж в Австрии удалось подавить.

Гитлер дал сигнал к отбою. Официальное немецкое агентство ДНБ, успевшее передать приветствие путчистам, уже в полночь 25 июля направило соболезнование австрийскому правительству по поводу «жестокого убийства». Эсэсовских бандитов, божавших через границу, Гитлер велел выдать Австрии; одновременно он отозвал германского посла в Вене и сместил своего инспектора по австрийским делам Хабишта. Новым послом в Вену назначили бывшего вице-канцлера католика фон Папена. Конец этой истории разыгрался в 1938 г., после оккупации Австрии. Нацисты велели повесить на здании, где был размещен 89-й батальон СС, мемориальную доску, прославлявшую тех, кого официальное германское информационное агентство несколько лет назад назвало жестокими убийцами. Гитлер пришел к их могилам и возложил цветы. Теперь ему уже незачем было скрывать свои симпатии к убийцам Дольфуса и причастность к путчу.

Второй террористический акт — убийство Барту и короля Александра в Марселе 9 октября 1934 г. — оказался куда более ловко замаскированным. Он был организован службой безопасности и абвером и получил условное наименование «Операция Тевтонский меч». Непосредственными исполнителями приказа явились не немцы, а хорватские фашисты Анте Павелича, находившиеся на службе у нацистов. Получив в Берлине инструкции, деньги и оружие, они в начале октября отправились в Марсель, куда должны были прибыть югославский король Александр с официальным визитом и представитель французского правительства для его встречи — министр иностранных дел Луи Барту. В ту минуту, когда оба государственных деятеля шли к машине на улице Каннебер, убийцы, спрятавшиеся около здания биржи, открыли по ним огонь. Король Александр и Барту были смертельно ранены. Убийц схватили и впоследствии казнили. Но подлинных организаторов покушения они так и не выдали.

Марсельская драма имела тяжелые последствия для европейской безопасности. Луи Барту являлся поборником плана «Восточного Локарно» — союза восточноевропейских государств, призванного гарантировать неприкосновенность их границ на основе идеи коллективной безопасности, за обеспечение которой боролся Советский Союз. В случае осуществления этот план мог бы стать серьезным препятствием на пути развязывания гитлеровской агрессии. После убийства Барту план «Восточного Локарно» был положен западными державами под сукно. Преемником Барту оказался человек, который в дальнейшем стал главным гитлеровским агентом во Франции, а после крушения рейха кончил жизнь на виселице как предатель, — Пьер Лаваль. Гитлер мог торжествовать.

В целом гитлеровская внешняя политика в это время была исключительно выгодной для германских монополистов. Оппозиция внутри страны была загнана в подполье, немецкий народ был задавлен, втиснут в железный обруч нацистской «народ-

ной общности», ослепленными успехами фашистского режима. Противники Гитлера за пределами Германии оказались разобщенными: политика «умиротворения», несмотря на предостережения Советского Союза, парализовала на Западе все сколько-нибудь серьезные попытки коллективного сопротивления гитлеровской агрессии. Все это создало предпосылки следующего этапа фашистской внешней политики — перехода к открытым актам агрессии.

2

ФАШИСТСКИЙ РЕЖИМ И ГЕРМАНСКИЕ МОНОПОЛИИ

Реакционные историки в ФРГ и других буржуазных странах стремятся опровергнуть марксистско-ленинский тезис о том, что гитлеровский режим был порождением монополистического капитала, характеризующий суть германского фашизма. Они выдвинули лживое утверждение о том, что гитлеровский режим якобы «подмял» немецких промышленников и банкиров и будто бы германский монополистический капитал на последнем этапе существования гитлеризма «отверг» фашистскую диктатуру.

В западногерманской исторической литературе идет острая борьба вокруг вопроса о взаимоотношениях фашистского режима и германских промышленников. Определенным положительным вкладом в исследование этой проблемы следует считать книгу Г. Хальгартена «Гитлер, рейхсвер и промышленность»¹⁴. Однако оно заканчивается 1933 г. и вне поля исследования остается весь период фашистского господства. К Хальгартену примыкают некоторые молодые историки, которые также считают, что промышленники играют важнейшую роль в приходе фашизма к власти и разделяют с ним вину за агрессию и преступления.

Однако большинство историков ФРГ стоит на противоположной позиции. Одни из них начисто отрицают ответственность германских монополистов за установление власти Гитлера и его политику в годы фашизма. К открытым апологетам немецких монополистов относится Август фон Книрим, бывший член правления компании «ИГ Фарбениндустри», который выпустил книгу «Нюрнберг. Правовые и моральные проблемы», представляющую собой панегирик германским промышленникам¹⁵. Книрим утверждает, будто ведущие немецкие монополисты не имели ничего общего с политикой Гитлера и с его захватническими планами. Примерно ту же точку зрения защищают Вильгельм Тройе и Гюнтер Фреде в книге «Хозяйство и политика 1933—1945»¹⁶. Эрнст Нольте в книге «Фашизм и его эпоха» утверждает, что политика фашизма определялась будто бы «относительно бесклассовым слоем» его руководителей¹⁷. А Вальтер Лакер заявляет, что нет, мол, никаких доказательств того, что промышленники и банкиры были в состоянии сколько-нибудь заметно влиять на политику Гитлера на всем протяжении его господства; они только извлекали выгоды из этой политики¹⁸.

Уклончивую позицию по этому вопросу занимает группа историков, которая считает, что отношения между Гитлером и промышленниками на протяжении его господства (причем задолго до того, как обозначились контуры поражения фашистского рейха) коренным образом менялись. До 1936 г., утверждают они, действительно существовал союз между промышленниками и Гитлером. В первые годы фашистской диктатуры, когда Шахт стоял во главе министерства хозяйства, промышленники еще сохраняли самостоятельность и силу при решении важнейших хозяйственных и по-

¹⁴ G. Hallgarten. Hitler, Reichswehr und Industrie. Zur Geschichte der Jahre 1918—1933. Frankfurt a/M., 1962.

¹⁵ A. von Knierim. Nürnberg. Rechtliche und menschliche Probleme. Stuttgart, 1953.

¹⁶ W. Treue, G. Frede. Wirtschaft und Politik 1933—1945. Braunschweig, 1964.

¹⁷ E. Nolte. Der Faschismus in seiner Epoche. München, 1965, S. 51.

¹⁸ W. Laqueur. Deutschland und Russland. Berlin, 1966, S. 303. Цель таких апологетических утверждений откровенно раскрыл американский журналист Луи Лохнер, который был тесно связан с германскими промышленниками еще в годы господства фашизма. В книге «Власть и имущие и тиран» он пишет: «Цель этой книги — спасти честь германской промышленности и пытается доказать, что «власть абсолютной диктатуры лежала не менее тяжелым грузом на промышленности, чем на других сферах жизни». — L. O. Lochner. Die Mächtigen und der Tyrann. Die deutsche Industrie von Hitler bis Adenauer. Darmstadt, 1955, S. 28.

литических вопросов, существовала известная гармония интересов между господствующими группами — нацистской партией, государственной бюрократией, вермахтом и промышленностью, создавшими совместно нечто вроде «системы организованного капитализма». Однако в 1936 г. эта гармония была будто бы нарушена узурпацией власти Гитлером, который, в частности, овладел и хозяйственной жизнью страны, а промышленники якобы потеряли свое влияние ¹⁹.

Краткий экскурс в область западногерманской историографии показывает, что вопрос о взаимоотношениях Гитлера и промышленников подвергается с ее стороны целенаправленной фальсификации. Поэтому определение движущих пружин фашистского режима и скрытых истоков власти Гитлера имеет первостепенное значение.

Германские промышленники хорошо знали, на что шли, и получали от Гитлера то, чего хотели. Пока не существует точных подсчетов всей суммы прибыли немецких монополистов в годы фашизма. Приходится пользоваться частичными данными и наиболее достоверными оценками. Вот сведения о росте подлежащих налоговому обложению доходов акционерных обществ и обществ с ограниченной ответственностью в 1933—1941 гг. ²⁰:

Год	Число облагаемых налогом акционерных обществ (АГ) и обществ с ограниченной ответственностью (ГМБХ)	Налогооблагаемые доходы (млн. марок)
1933	71	406
1938	423	3439
1941	626	6360

Эти расчеты основаны на имперской статистике акционерных обществ, которая публиковалась, к сожалению, только до 1941 г. С учетом прибылей (включая прибыли от ограбления оккупированных стран и территорий) в последующие годы получится сумма порядка 100 млрд. марок. Если даже от четверти до трети этой суммы отнести к «нормальному» доходу, который использовался для расширенного воспроизводства невоенных отраслей промышленности, то и в этом случае остается «кругленькая» сумма — 60—70 млрд. марок, которая была присвоена германскими монополистами. Гигантский рост доходов наблюдался у фирм, игравших решающую роль в фашистском государстве, — Крупна, «ИГ Фарбениндустри», Маннесмана, Рёхлинга, Флика и др. Именно им достался главный куш в соответствии с той экономической и политической ролью, которую они играли в фашистском рейхе.

Многие западногерманские историки стремятся создать впечатление, что чем больше набирали силу, увеличивали мощь и влияние в экономической сфере монополистические гиганты, тем будто бы беспомощнее и слабее они становились в сфере политической. Эта противоречащая здравому смыслу и элементарной логике схема довольно прочно утвердилась в реакционной западногерманской исторической литературе. Главный аргумент сторонников такой схемы заключается в том, что с укреплением фашистской власти усиливалось вмешательство государства в экономику страны вплоть до того, что государственное управление промышленностью чуть ли не заменило самоуправление промышленников, а фашистский чиновник — промышленника. 1936 г. будто бы сыграл в этом решающую роль, поскольку к этому времени Гитлер якобы окончательно подчинил себе промышленников, введя четырехлетний план и создав специальное ведомство по осуществлению этого плана.

Рассмотрим форму и суть реорганизации управления промышленностью, которая была произведена в годы фашизма. Эта система отнюдь не была подготовлена одним лишь Гитлером и его аппаратом. Она явилась в основном плодом творчества самих монополистов. Речь шла о создании такой системы самоуправления промышленностью,

¹⁹ D. P e t z i n a. Autarkiepolitik im Dritten Reich. Stuttgart, 1968; T. M a s o n. Primat der Politik. Politik und Wirtschaft. — «Das Argument», 41/1966; e r o ж e. Primat der Industrie? Eine Erwiderung. — «Das Argument», 47/1968.

²⁰ «Anatomie des Krieges. Neue Dokumente über die Rolle des deutschen Monopolkapitals bei der Vorbereitung und Durchführung des zweiten Weltkrieges». Berlin, 1969, S. 33. (Русск. перевод: «Анатомия войны. Новые документы о роли германского монополистического капитала во второй мировой войне». М., 1971).

которая лучше всего отвечала бы их интересам и соответствовала задачам фашистского государства, целиком и полностью поддерживаемого ими. Это косвенно признают даже те западногерманские историки, которые защищают тезис о «непричастности» промышленников к гитлеровскому режиму. Так, Грегор Янсен называет систему самоуправления промышленности гитлеровским «пряником», при помощи которого фашистский диктатор хотел привлечь к себе сердца промышленников ²¹. А Вольфганг Биркенфельд пишет о том, что она представляла собой «остров, хотя и ограниченной, свободы при диктатуре Гитлера» и даже «последний и единственный остров терпимости в тоталитарном государстве» ²².

Первая существенная реорганизация управления промышленностью (как и другими областями германского хозяйства) произошла в 1934 г. на основании изданного Гитлером 27 февраля того же года «Закона о подготовке органичного построения народного хозяйства» ²³, который предписал образовать хозяйственные объединения. Они должны были стать «единственными представителями соответствующих отраслей хозяйства». Первое распоряжение об осуществлении закона было дано 27 ноября 1934 г. ²⁴ Промышленное хозяйство Германии было разделено на имперские группы. Центральное место занимала Имперская группа промышленности — единственная, в подчинении которой находились так называемые главные группы. Кроме того, были созданы имперские группы ремесла, торговли, банков, страхования и энергетики. Параллельно сохранялась и территориальная структура управления хозяйством. Были образованы хозяйственные округа, которыми управляли окружные группы.

В настоящее время историки располагают документами, которые позволяют проследить ход подготовки этой реорганизации. Из них следует выделить два документа. Первый — письмо Густава Круппа фон Болен-унд-Гальбаха Гитлеру от 25 апреля 1933 г., т. е. через три месяца после прихода фашистов к власти ²⁵. В нем Крупп излагает свои мысли о необходимости реорганизации «как Имперского союза промышленности, так и хозяйственных объединений в целом» и передает Гитлеру краткое резюме программных заявлений союза, содержащих в принципе те же идеи. Крупп сообщает, что президиум Имперского союза промышленности на чрезвычайном заседании в апреле 1933 г. решил поручить ему как председателю Союза провести реорганизацию. Выражая свою готовность к переговорам с Гитлером на эту тему, он писал: «Одновременно я прошу вас и имперское правительство оказать мне посильную помощь в деле реорганизации». О целях реорганизации Крупп сообщал: «Упрощение и рационализация всей системы индустриальных объединений... и приведение, руководствуясь идеей фюрерства, хозяйственных мероприятий, служащих общим интересам нации, в соответствие с политической целесообразностью». Далее он заявлял, что «политическое развитие Германии полностью соответствует как моим собственным пожеланиям, так и пожеланиям президиума Союза», и просил Гитлера признать его как единственного уполномоченного Союза «для ведения переговоров с имперским правительством», а также как «единственного уполномоченного для решения всех проблем организационного и особенно персонального характера». Из письма Круппа явствует, что германские промышленники были не «пассивной силой» при введении новой системы управления хозяйством, а ее активными инициаторами и организаторами.

Были ли учтены пожелания промышленников при реорганизации управления хозяйством? Другой документ говорит о том, что именно их пожелания легли в основу законов от 27 февраля и 27 ноября 1934 г. Мы имеем в виду меморандум хозяйственно-политического отдела Имперского сословия германской промышленности (так с 19 июня 1933 г. именовался Союз германской промышленности) от 13 февраля 1934 г. ²⁶ В нем сообщается, что (в соответствии с просьбой Круппа) президент Имперского сословия промышленности вместе с имперскими комиссарами (уполномоченными Гитлера по

²¹ G. J a n s s e n. Das Ministerium Speer. Deutschlands Rüstung im Krieg. Frankfurt a/M., 1968, S. 44.

²² Ibid., S. 168.

²³ «Reichsgesetzblatt». Berlin, 1934, Teil I, Nr. 185, S. 185.

²⁴ Ibid., Nr. 131, S. 119—1196.

²⁵ «Anatomie des Krieges», S. 112—113.

²⁶ Ibid., S. 123—128.

некоторым отраслям хозяйства) «провел в жизнь те мероприятия, которые оказались необходимыми для того, чтобы привести в соответствие организацию в целом с государственно-политическими потребностями». Далее, как сообщает документ, Имперское сословие занялось предварительной работой по подготовке «сословной структуры» управления промышленностью. 24 июня 1933 г. оно, по согласованию с министерством хозяйства, издало инструкцию о разработке проекта реорганизации, который затем был представлен и содержал в точности те принципы, которые легли в основу гитлеровских законов. К важнейшим предложениям промышленников относились сохранение территориального принципа построения управления промышленностью, введение принципа фюрерства и в связи с этим утверждение министерством хозяйства фюрера имперского сословия, признание правительством функций и полномочий имперского сословия промышленности и его групп, создание центрального органа промыслового хозяйства для координации работы имперских сословий промышленности-торговли и ремесла.

Таким образом, промышленники сами подготовили реорганизацию 1934 г. и обеспечили себе ведущую роль в новой системе управления хозяйством. Правда, одновременно разрослись и государственные органы управления, в том числе министерство хозяйства. Если в 1931 г. в нем было три отдела, то к 1936 г. их стало восемь. Штат чиновников увеличился во много раз. Но министерство руководило хозяйством в основном через имперские группы, согласовывая в каждом случае свои принципиальные решения с их руководителями. Таким образом, промышленники создали наиболее эффективную форму защиты своих интересов и осуществления государственного управления. Усиливалось вмешательство промышленников во все государственные дела, касавшиеся экономики и экономической политики, которое обеспечивалось именно новой системой управления хозяйством.

Вторая крупная реорганизация управления хозяйством произошла уже во время второй мировой войны — в 1939—1940 гг. Было образовано имперское министерство вооружения и боеприпасов, которое, в свою очередь, создало новые объединения промышленников (в частности так называемые ринги), соответствовавшие имперским группам и их подразделениям. Эта реорганизация была предпринята непосредственно по требованию промышленников. Деятельность нового министерства протекала, во всяком случае в первые годы его существования, не только в тесном контакте с объединениями промышленников, но и под их непосредственным влиянием.

Когда министерство возглавил Шпеер, промышленники получили в его лице ярого защитника их интересов. Именно он спас промышленников от расправы гестапо, когда было раскрыто участие ряда из них в заговоре 20 июля 1944 г. Сохранилось письмо Шпеера представителю Гимmlера в ставке Гитлера группенфюреру СС Фегеляйну от 20 августа 1944 г., в котором он решительно выступает против привлечения к ответственности таких крупных монополистов, как Фёглер, Бюхер, Рёйш, Мейер и другие, фамилии которых были названы руководителем заговора Гёрделером при его допросах в гестапо. О Фёглере и Бюхере, например, говорится, что «генеральный директор д-р Фёглер... известен своей активной поддержкой военной промышленности и своими ценными советами, которые он нам давал до самого последнего времени... Тайный советник Бюхер... с огромной энергией выступает всегда за тотальное использование электропромышленности на нужды вооружений. Является моим близким сотрудником. Член моего Совета по вооружению»²⁷. Благодаря этому заступничеству, поддержанному многими другими фашистскими чиновниками, промышленники оказались единственной прослойкой, которая (за ничтожными исключениями²⁸) не пострадала от гестапо.

Требование создать новый центр по руководству военной промышленностью, который опирался бы на объединения промышленников, было сформулировано, в частности, в меморандуме, составленном 27 июня 1938 г. членом правления «ИГ Фарбениндурии» Отто Амброзом для Карла Крауха, так же члена правления этой компании и заместителя руководителя Имперского ведомства промышленного строитель-

²⁷ Ibid., S. 458.

²⁸ Из крупных промышленников за участие в заговоре 20.VII.1944 г. пострадал лишь один — Венцель-Тойченталь, приговоренный к смертной казни. — См. Д. М е л ь н и к о в. Заговор 20 июля 1944 г. в Германии, стр. 127.

ства. В нем указывалось на необходимость образования единого ответственного органа «по образцу английского министерства обороны, который решал бы все вопросы исследования, планирования, финансирования, договорно-правового дела и контроля над исполнением»²⁹. Для подготовки такой реорганизации Амброс предложил образовать комиссию, в которую вошли бы ведущие промышленники.

Протокол совещания, созванного 18 декабря 1939 г. генералом Томасом, руководителем ведомства военной экономики и вооружения Верховного главнокомандования вооруженных сил Германии (ОКВ), показывает, что дальнейшая подготовка реорганизации управления промышленностью также проходила по инициативе монополистов³⁰. На совещании среди прочих присутствовали Пауль Пляйгер, председатель правления «Герман-Геринг-верке», Герман Бюхер, председатель правления АЭГ, Рудольф Бингель, член правления компании Сименса, Альфрид Крупп, Фридрих Флик, Петер Клэкнер, Герман Рёхлинг и др. Выступили Клэкнер, Рёхлинг, Крупп, Бюхер, Бингель, Пляйгер. Главной темой их выступлений было требование образования нового центрального органа по руководству военной промышленностью. Бюхер, в частности, сказал, что «необходимо прежде всего создать единое руководство промышленностью. Тогда промышленность, исполненная доброй воли, может дать максимальный эффект», т. е. новый орган мыслился промышленниками как орган защиты их интересов, как их центральный штаб. В заключительном слове генерал Томас заявил: «Подытоживая прения, следует констатировать, что здесь главным образом было выражено желание создать единое и четкое руководство, ибо иначе невозможно выполнить требования государства, во всяком случае выполнить их в срок»³¹.

Министерство вооружения и боеприпасов было создано по прямому требованию монополистов. В дальнейшем его функции расширились. Министерство Шнеера шаг за шагом поглощало функции, которые раньше выполняли министерство хозяйства Функа, ведомство военной экономики и вооружений ОКВ и министерство труда. Ведомство Шнеера превратилось в главный оплот основных монополий, через которое они осуществляли ведущую роль в управлении промышленностью. Главными органами монополий, на которые опиралось министерство вооружений и боеприпасов, были имперские объединения, руководившие отдельными отраслями промышленности, главные комитеты, ведавшие выпуском различных видов военного производства, а также «ринги», существовавшие параллельно с имперскими объединениями, но контролировавшие непосредственно производство отдельных отраслей промышленности.

Какую же роль в этой системе играло ведомство по четырехлетнему плану, созданное в 1936 г. под руководством Геринга? Оно имело своих генеральных уполномоченных, которые в первые годы (1936—1939) следили за переводом гражданского производства на военные рельсы и выполнением указаний Гитлера о подготовке Германии к войне. Но утверждать, что оно имело какие-то функции по управлению промышленностью, не приходится, и версию о том, будто именно в 1936 г. Гитлер полностью подчинил промышленников и все руководство хозяйством, следует решительно отвергнуть.

Окончательно эта сложная, во многом неповоротливая и пронизанная бюрократизацией система сложилась только к 1943 г., который характеризовался наивысшим размахом военного производства. Наиболее важные имперские объединения, главные комитеты и «содружества» возглавляли: имперское объединение железа — председатель Герман Рёхлинг (глава концерна Рёхлинга), первый заместитель Альфрид Крупп (сын собственника концерна Круппа), второй заместитель Вальтер Роланд («Ферайнигте штальверке»); имперское объединение угля — председатель Пауль Пляйгер (глава концерна «Герман-Геринг-верке»), первый заместитель Генрих Виссельман (концерн «Прейссаг»), члены руководства: Альфрид Крупп, Фридрих Флик, Эрнст Тенгельман и др.; главный комитет вооружения — Артур Тинк («Ферайнигте штальверке»); военное судостроение — Рудольф Блом (концерн «Блом унд Фосс»); оборудование для самолетов — Ганс Хейне (концерн «АЭГ»); средства связи — Вильгельм

²⁹ «Anatomie des Krieger», S. 184.

³⁰ Ibid., S. 235—239.

³¹ Ibid., S. 239.

Цанген (концерн Сименса); «содружество» железа — Герман Рёхлинг; электротехники — Фридрих Люшен (концерн Сименса) и т. д.

Роль этих и других магнатов промышленности отнюдь не ограничивалась исполнением «предначертаний» Гитлера, а характеризовалась большой активностью и инициативой. Уже в марте 1935 г., например, концерн «ИГ Фарбениндустри» предложил разработать мобилизационный план для промышленности на случай войны. В меморандуме, подготовленном для военного министерства, говорилось о необходимости «включить все производство промышленности, транспорта, ремесла и промысла, а также сельского хозяйства в рамки всеобъемлющего военного хозяйства» и с этой целью составить как общий «хозяйственный мобилизационный план», так и «план для каждого промышленного предприятия, для жизненно важных предприятий в области ремесла, промысла и сельского хозяйства» в отдельности³². 17 августа 1936 г. Герман Рёхлинг направил Гитлеру меморандум, озаглавленный «Мысли о подготовке к войне и ее ведении». В нем был выдвинут ряд предложений, которые должны были служить форсированному переключению всего хозяйства страны на военные рельсы. Рёхлинг подчеркивал: «Вывод из моих соображений таков: война почти неминуема; существенный вопрос лишь в том, когда она возникнет... Во всяком случае мы должны считаться с таким конфликтом и всеми средствами подготовиться к нему, ибо эта борьба есть борьба за наше существование»³³. Девять дней спустя Гитлер писал: «Цель этого меморандума заключается не в том, чтобы заниматься пророчеством относительно срока, когда нетерпимое положение в Европе приведет к открытому кризису. В этих строках я хотел бы выразить мое убеждение, что кризиса не миновать, что он наступит и что Германия обязана обеспечить свое существование в этой катастрофе всеми доступными ей средствами»³⁴.

Такое почти текстуальное совпадение выдержек из двух меморандумов нельзя считать случайностью. Несомненно, многие мысли Гитлера, а тем более действия фашистской хозяйственной администрации были инспирированы крупными магнатами.

В свете приведенных документов генезис четырехлетнего плана, представлявшего собой именно мобилизационный план страны с целью подготовки к войне, выглядит совсем не так, как он изображается в ряде исторических работ западногерманских авторов. В выдвижении и становлении плана немецкие промышленники приняли самое активное участие. Промышленники действовали заодно с Гитлером, а во многих случаях брали на себя ведущую роль в «освоении» оккупированных территорий. На заседании Большого совета имперской группы промышленности от 3 октября 1940 г., на котором обсуждался вопрос о подготовке и наведении порядка на оккупированных территориях, выступил Густав Шлоттерер — руководитель особого отдела министерства хозяйства. Вот что он сказал о роли промышленников в этом деле: «Господа! Из моих высказываний насчет этой проблемы мы должны сделать вывод, что мы представляем себе создание большого европейского хозяйственного пространства в основном как результат инициативы самих промышленников... То, что мы при этом будем помогать вам и направлять развитие событий, само собой разумеется. Но я хотел бы здесь с особой настойчивостью подчеркнуть, что это большое европейское хозяйственное пространство является делом самих промышленников и должно представлять собой область самоуправления самой промышленности». На это Цанген ответил: «Если вы считаете, что управление (хозяйственным пространством Европы. — *Авт.*) должно осуществляться таким образом, что вы воздержитесь от вмешательства в решение хозяйственных проблем, как вы только что об этом сказали, вы, как и до сих пор, найдете нашу полную поддержку и в будущем»³⁵.

Промышленники играли ведущую роль и в управлении хозяйством во временно оккупированных областях Советского Союза, т. е. в присвоении советских промышленных предприятий и грабеже собственности СССР. 29 апреля 1941 г. у Гитлера состоя-

³² K. D r o b i z c h. Eine Denkschrift der IG Farben über die Militärisierung der Wirtschaft vom März 1935. «Jahrbuch für Geschichte», Bd. I. Berlin, 1967, S. 261 ff.

³³ «Anatomie des Krieges», S. 143.

³⁴ «Ausgewählte Dokumente zur Geschichte des Nationalsozialismus», Bielefeld, 1961.

³⁵ «Anatomie des Krieges», S. 294—296.

лось совещание, посвященное «хозяйственному освоению русских территорий» после нападения на Советский Союз. На нем был создан специальный «экономический штаб по особым делам Ольденбург» под руководством генерал-лейтенанта Шуберта. Он делился на пять «хозяйственных инспекций», 23 «хозяйственные команды» и 12 «внешних представительств», которые должны были взять на себя управление экономикой оккупированных советских областей. В этих инспекциях, командах и представительствах хозяйничали крупные монополисты и их уполномоченные. Вот краткая запись итогов заседания статс-секретарей, созданного «Экономическим штабом Ольденбург» 2 мая 1941 г.: «1. Войну можно будет продолжать лишь в том случае, если на третьем году войны весь вермахт будет питаться за счет продовольствия из России. 2. Нет сомнения, что при этом миллионы людей в самой России умрут от голода, если мы выкачаем из страны все, что нам необходимо»³⁶.

Гитлер и его министры неоднократно отмечали крупных монополистов, публично выражали им свою благодарность, присваивали титул «фюрер военной промышленности» («вервиртшафтсфюрер»), награждали их военными орденами империи. 5 июня 1943 г. Шпеер по поручению Гитлера устроил в берлинском Спортпаласте публичное чествование крупнейших представителей монополистического капитала и восхвалял их заслуги в области военного производства³⁷.

Специально следует отметить роль германских банкиров в создании гитлеровской военной машины и осуществлении фашистской агрессии. Курт фон Шрёдер, совладелец известного банковского дома И. Г. Штейна, давая показания на Нюрнбергском процессе, показал:

«Вопрос: Имели ли, по вашему мнению, крупные берлинские банки большое влияние и осуществляли ли они сильный контроль над хозяйственной жизнью страны и над германским правительством?

Ответ: Слишком сильный!... Влияние крупных банков было, по моему мнению, слишком велико! Особенно в последние годы влияние крупных банков на германскую промышленность достигло таких размеров, что вряд ли существовала область промышленного производства, которая не находилась бы под их контролем...

Вопрос: Не должны ли были крупные банки... иметь прямое влияние на [нацистскую] партию, поскольку она играла в Германии господствующую роль и в решающей степени контролировала правительство?

Ответ: Они имели колоссальное влияние на нацистскую партию и правительство. Де-факто крупные банки были почти вторым правительством»³⁸.

В правящем лагере фашистской Германии происходила внутренняя борьба, характерная для любой капиталистической страны в эпоху государственно-монополистического капитала. Созданная система в наибольшей степени удовлетворяла представителей самых крупных монополий, членов 300 семейств, управлявших экономикой. Но среди владельцев менее крупных предприятий жестокая регламентация, введенная Гитлером при прямом участии ведущих монополий, не пользовалась особыми симпатиями. Бывали случаи и резких столкновений между отдельными промышленниками и руководителями как государственных хозяйственных органов, так и органов самоуправления промышленности. Критику вызывало и то обстоятельство, что в итоге многочисленных реорганизаций возникла гигантская, дорогостоящая, неповоротливая бюрократическая машина, которая во многих случаях различными формальностями мешала производству, а следовательно, и быстрому получению прибылей промышленниками. Но это отступало на задний план перед задачей создания такой жесткой системы, которая бы подчинила все хозяйство власти узкой клики монополистов, предохраняла их от всякой угрозы социальных конфликтов, обеспечивала полную милитаризацию экономики и ее работу на войну.

Прямое несогласие промышленников с Гитлером возникло лишь на последнем этапе войны в связи с так называемым приказом Нерона. — о разрушении всех важных промышленных предприятий в тех районах Германии, откуда под натиском Советской Армии вынуждены были отступать войска вермахта. Приказ этот был издан Гитлером

³⁶ «Der Nürnberger Prozess». Ausgewählt und eingeleitet von P. A. Steiniger, Bd. 2, Berlin, 1962, S. 256.

³⁷ «Anatomie des Krieges», S. 424—425.]

³⁸ Ibid., S. 99—100.

19 марта 1945 г. и означал прямое покушение на «святая святых» — собственность крупных монополистов. Осуществить его было бы равносильно лишить монополии самой базы существования в послевоенное время, на которое, конечно, твердо рассчитывали ведущие промышленники и банкиры. Поэтому они проявили твердость. Отражая их интересы, против приказа запротестовал в письме Гитлеру Шпеер³⁹. Однако Гитлер не обратил внимания на его письмо, и тот начал активно действовать в противовес указанию Гитлера, саботируя выполнение его приказа.

Это делалось довольно просто. Еще в феврале 1945 г. Шпеер распорядился назначить уполномоченных по делам военной промышленности, которые были наделены чрезвычайными правами. Например, уполномоченным по Рейнско-Рурской области был назначен Альберт Фёглер, по Верхней Силезии и так называемому протекторату — Ганс Мальцахер (председатель правления горнорудной компании «Берг-унд-хюттенбергвергезельшафт»). Район Берлин — Бранденбург Шпеер закрепил за собой. В компетенцию уполномоченных входили, в частности, мероприятия по эвакуации и выведению из строя промышленных предприятий. Теперь именно им Шпеер и поручил осуществление приказа Гитлера, что означало отмену приказа последнего, ибо передавало дело разрушения промышленных предприятий в руки их собственников — монополистов. Но отступая под ударами Советской Армии, гитлеровские войска тем не менее разрушали жизненно необходимые для самого немецкого народа предприятия. Сами же крупные промышленники бежали на Запад, куда они заблаговременно вывозили оборудование предприятий и техническую документацию.

Сильнее и хитрее Гитлера монополисты оказались и в таком важном вопросе, как планирование послевоенного периода. В то время как Гитлер в 1943—1945 гг. продолжал строить проекты создания европейской и даже мировой фашистской империи, крупные промышленники втихомолку готовили совсем иные планы: сохранить свое господство после ставшего уже очевидным неизбежного поражения фашистской Германии. Некий штурмбанфюрер СС Бакхауз писал личному референту Гимmlера штандартенфюреру СС Брандту 26 августа 1944 г. о некоторых практических шагах крупных промышленников: «Промышленность считает, что война проиграна и нынешнее государство рухнет. Поэтому промышленность стремится уже завязать связи с заграницей»⁴⁰. Более подробные сведения о деятельности ведущих монополий в области послевоенного планирования сообщил заместитель председателя Имперской группы промышленности Шталь группенфюреру СС Олендорфу 13 декабря 1944 г. С согласия Олендорфа, «узкий рабочий кружок» в Имперской группе промышленности занялся составлением широкой программы деятельности монополий после войны. Шталь подробно перечислял круг проблем, которыми занимался этот кружок⁴¹.

Ведущие монополии активно занимались подготовкой программ на случай крушения фашистского рейха, причем органы Главного управления имперской безопасности (РСХА) были об этом прекрасно информированы. Более того, дело не ограничивалось составлением меморандумов. 10 августа 1944 г. в Страсбурге состоялась тайная конференция представителей ведущих монополий, на которой были согласованы послевоенные планы промышленности. На конференции присутствовали представители фирм Крупна, Рёхлинга, Броун-Бовери, «Рейнметалл», Тиссена, Мессершмитта и др. Участники ее говорили о мерах, вытекавших из неизбежного поражения Германии. А в это время нацисты гнали на убой сотни тысяч немцев и вводили все новые ограничения и террористические меры в тылу.

Промышленники, волю которых выполнял Гитлер, уже списали его со счетов. Кровавая битва, которую он вел во имя интересов правящей монополистической верхушки Германии, была проиграна. И по замыслам закулисных правителей рейха, которые привели его к власти и которых он обогатил, отвечать за проигрыш должен был лишь он один. Поистине, Гитлеру было от чего прийти в ярость...

³⁹ «Die Niederlage 1945. Aus dem Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht». Herausgegeben von Percy Schramm. München, 1962, S. 410—411.

⁴⁰ «Anatomie des Krieges», S. 460.

⁴¹ Ibid., S. 468—470.